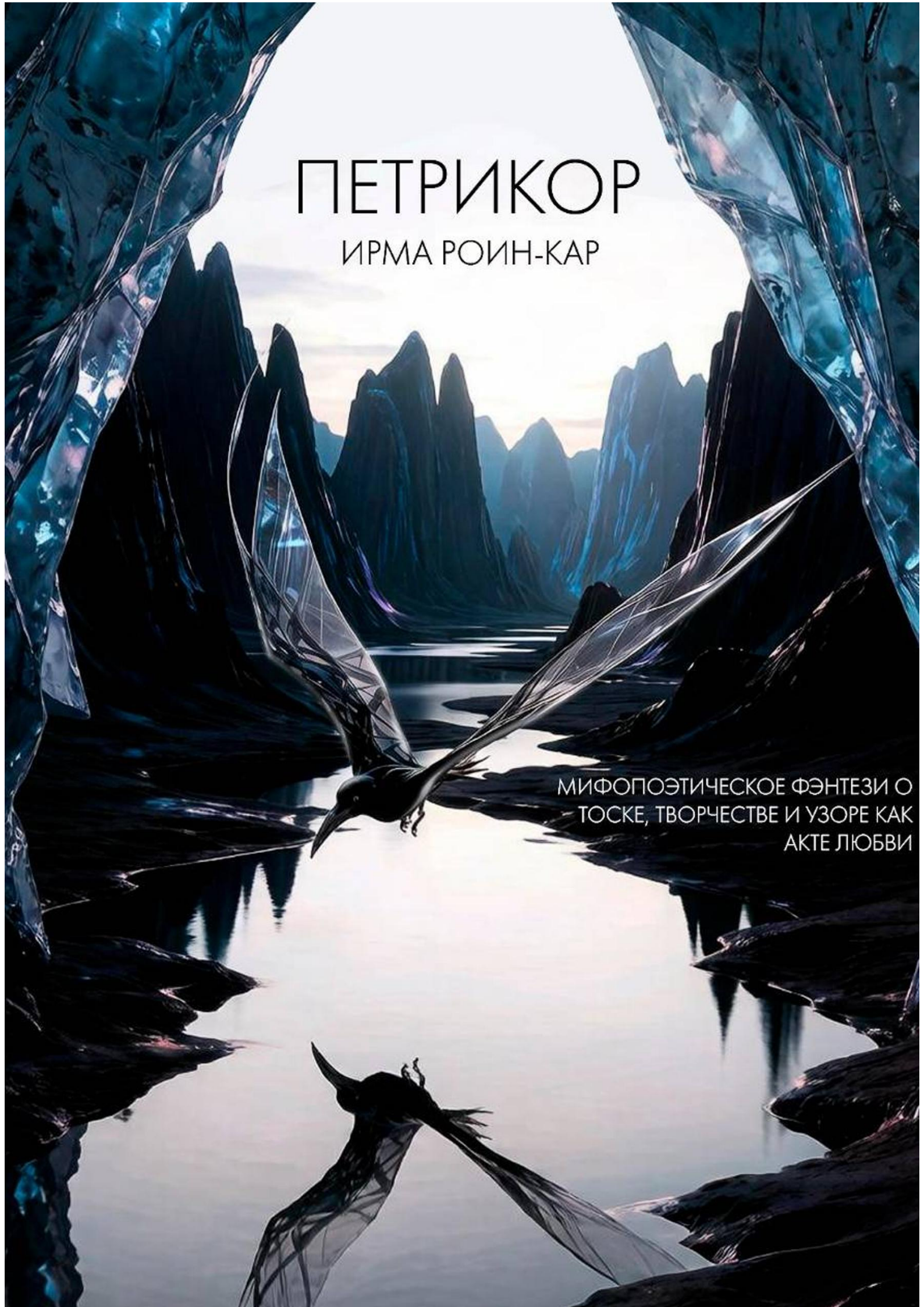

ПЕТРИКОР

ИРМА РОИН-КАР

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ О
ТОСКЕ, ТВОРЧЕСТВЕ И УЗОРЕ КАК
АКТЕ ЛЮБВИ

Ирма Роин-Кар

Петрикор

«Автор»

2026

Роин-Кар И.

Петрикор / И. Роин-Кар — «Автор», 2026

Там, где вместо имени — шерловые перья и воронов клюв, а реальность соткана из пепла и непрожитых чувств, дух собирает блестяшки человеческих эмоций и плетёт Узоры, исцеляющие чужую боль. Но однажды в его когти попадает нечто, что нельзя ни распустить, ни удержать. И с этого начинается путешествие к истоку. Мифопоэтическое фэнтези-притча о тоске, творчестве, смысле и Узоре как акте любви. История, пропитанная ароматом дождя, которого никогда не случилось.

© Роин-Кар И., 2026

© Автор, 2026

Ирма Роин-Кар Петрикор

Часть 1/10 «Спираль»

Очередной день начался так же, как десятки дней до него. Капля дрогнула на поверхности чёрной воды, Сумрак распахнулся навстречу холодом и пеплом.

Вместо имени шерловые перья, воронов клюв и острая игла тоски внутри напомнила, что поиск ещё не окончен.

Эйр пробуждался с первыми лучами звезд, собирал блестяшки, плёл из них узоры и снова отправлялся на поиски чего-то утраченного, чему не знал имени.

Над ним склонилась безвременная крылатая тень совы.

–О! Эйр! Ты Эйр, я знаю. – Помедлив и склонив в задумчивости голову, Сов продолжил. – Блестяшки! Настоящие греют. Ложные – обжигают холодом. Сегодня хороший урожай. Я знаю. Я знаю. Ошибка расплетает узелки. Лети.

Сова, точно дым растворилась в пепельном свечении Сумрака. Её ждали свои узлы и маршруты.

Ворон взмыл в глубину Сумрака. Тот развернулся под ним бескрайним, тусклым гобелемом. Он парил над полями забвения, где роились мелкие духи-мотыльки, перерабатывающие шелуху чужих снов. Пролетал над залежами невысказанных фраз, над горами осколков разбитых надежд, над высохшими руслами невыплаканных слёз. Видел леса из паутины готовых узоров, пульсирующих в пепельном небе, как сердца. В отдалении кто-то громадный неторопливо плёл из грозных туч чью-то застарелую обиду.

Сумрак дышал, работал, пытался жить.

Первая блестяшка попала сразу. Яркая, звенящая и ледяная. Апофения рассыпалась в клюве, оставив приторное послевкусие.

Вторая светилась изнутри почти невидимым сиянием. Ворон коснулся её, ощутив, тёплый укол. Чьё-то несказанное живое «прости».

Целый день ушёл на сбор. Он удерживал в когтях частицы нежности, осколки вопросов, забытые строки. Всё – с привкусом светлой, недостижимой Красоты.

Отяжелев, Эйр опустился в лощину. Отпустил форму. Стал жидким, тонким, длинным. Вытянулся в Паука. Выложил искры перед собой и начал плести – искал тон, рифму, ритм, стук, где одна блестяшка резонирует с другой. Узор рождался под его лапками. И в причудливом переплетении нитей ему чудилось нечто знакомое – фрактал его собственной души.

Центр композиции оставался пустым.

Паук тенью сорвался с небес, устремившись к зеркалу воды. В полете он растворился, превращаясь в безмолвие, облаченное в чешую цвета ночи. Рыба, пронзив мрак водной бездны, погружалась в тишину, пока та не обрела голос.

Громадный, совершенный кристалл сиял на дне.

– Твои узоры исчезнут, – шептал он. – Оставь След. Один. Вечный. Идею, что переживёт создателя. Возведи монумент из незабываемых мук или экстаза агонии. Что угодно. Главное – остаться. Твой поиск завершится в совершенстве. Ты обретёшь покой.

– Как соблазнительно, – зачарованно смотрела рыба на сияющий кристалл, пока ледяные оковы сковывали ее плавники, увлекая в бездну. Внезапно она дернулась. Обещание покоя – не обещание жизни. С отчаянным рывком она устремилась вверх, спасаясь от гладкой как смерть лжи.

Поверхность приближалась. Эйр завис у границ сред.

В отражении не было Рыбы. За зыбкой пеленой, стоял человеческий силуэт. Одни только глаза, в которых стояла светлая тоска. Его тоска.

Взметнувшись из глубин, расправив плавники, что были пеплом, складывающимся в полет, Эйр, снова вороном кружил над водой, в попытках ухватиться за мираж.

Колыбель. Источник. И вопрос, разлетевшиеся на край бытия, но бьющиеся в унисон. Дрожь и рябь. Видение исчезло, оставив в когтях крохотную спираль. Живой, ранящий узел пережитого.

Эйр снова взглянул на воду. Ничего. Только собственная тень на поверхности. Но жар спирали в когтях опалял кожу, напоминая: что-то он всё-таки видел.

Часть 2/10 «Отзвук»

Новый день начался обыденно – с холодного пробуждения и иглы тоски под сердцем. Эйр открыл глаза, встряхнул угольными перьями, проверил коготь. Тугой узел опыта был на месте – спираль хранила живое тепло, грела и ранила, как в первый раз.

День разворачивался прозаично. Сбор блестяшек. Сортировка: эту – в узор, эта – холодная, рассыпать. Привычный пейзаж. Полёт над полями забвения, рой мотыльков, перебирающих шелуху снов. Естественный ритм Сумрака, обыденный гул и пепельный свет. Но внутри назойливо зудело. Спираль в когтях, обжигая, требовала ответа.

Узор, который он плёл сейчас – для человека, чьи блестяшки собирал весь день – лежал в стороне, ждал сердцевины. Спираль – не для него. Она была его собственной и лишала покоя.

– Ты не в ритме сегодня.

Вездесущий хранитель, чья тень так же естественна, как шелест листьев, проявился из пепельной взвеси.

– Мне нужно понять, – Эйр не стал подбирать импульсы. – То, что я видел в воде. Я знаю, что он – мой источник. Но я не знаю, что это значит.

Ведающий сокровенное, Сов помолчал. Его собственная тень легла на пепел неровным пятном.

– Рынок Отзвуков. На границе, где истончается Сумрак. Я знаю. Я знаю. Там торгуют те, кто выпал, тем, что выпало. Там найдёшь следы. Но живое – греет. Мёртвое – блестит. Я знаю. Знаю. Ты знаешь. Знаешь.

Эйр кивнул. Он помнил кристалл холодного гладкого обещания. И знал, что всё равно полетит.

Он ещё не осознал, а тело уже решило за него. Угольные перья пошли дрожью, сложились, вытянулись – истончились в две пары острых, быстрых слюдяных крыльев. Мир раздробился на сотню витражных фрагментов. Каждый – чёткий, отдельный, вибрирующий. Вместе они складывались в единую почти осязаемо объемную панораму. Стрекоза.

– Я тороплюсь сильнее, чем предполагал? – Усмехнувшись, Эйр нетерпеливо поочередно ударил крылышками. Воздух отступил, сжался, пропуская его вперёд.

Мир перед приходом Эйра тлел предчувствиями. Сначала в обонятельные рецепторы его антенн ворвался чужой, спрессованный запах воспоминаний. Затем проступили тени голосов, лессировкой накладываясь друг на друга, словно старые записи на новой плёнке. И наконец, хаос ощущений обрёл смысл.

Небесный покров здесь истончился до серой дымки, и в этом рассеянном свете развернулась стихийная барахолка. Тени раскладывали на земле свои диковинные товары. Фасеточные глаза Эйра дробили реальность на сотню осколков: вот дух с острым взглядом, похожий на матерую лисицу, предлагает Отзвуки – застывшие, чуть смазанные слепки чужой идентичности. Рядом другой, сотканный из ветхих лоскутов, он прижимает к себе чью-то забытую клятву и замирает, погружаясь в чужую жизнь, словно в туманные объятия опиума, лишь бы заглушить терзающую его боль. Третий вплетал в своё существо Отзвук как украшение – и на боку расцветала чужая, стёртая улыбка.

Эйр завис на месте, часто-часто работая крыльями. Отзвук – не блестяшка. В блестяшке бьётся живая эмоция, ищущая выход. Отзвук – иное. Смазанная фотография, слепок, оттиск. Событие, которое случилось без резонанса и застыло в янтаре забвения. Красиво. Бесполезно. Остывшие разговоры, засохшие ласки, забытые клятвы, размытые до неузнаваемости лица. Большинство – безобидный мусор, выпавший из круговорота. Картины на стенах заброшенного дома.

Опасными становились только те, что были не отпущены.

Чутье вело Эйра. Его фасетки собирали хаос в мозаику, выхватывали тепло и холод, сортировали, отсекали лишнее. Он летел над рядами, пока не увидел его.

Торговец сидел в отдалении, у края Рынка, где завеса опасно сходила на нет. Он был стар и полупрозрачен, неуловимо не таков как Сов. Его тело напоминало сшитую на живую нитку куклу – дымчатое, хрупкое, собранное из лоскутов чужих узоров, каждый из которых подрагивал, словно крыло мотылька, источая эхо давно угасших создателей. Он торговал только Отзвуками. И среди его товара, мерцающая призрачным светом, лежал Узор.

Эйр узнал его сразу – не цвет, не форма – резонанс пленил его внимание. Тёплый и острый, знакомый до дрожи. Та же нота тоски, что пела в нём с первой секунды. Тот же человек.

– Откуда он у тебя? – требовал ответа Эйр. Голос, проходя сквозь тело стрекозы, звучал тонко и резко, точно звон слюды.

Торговец неторопливо повернул голову.

– Мастер сплёл. Не отпустил. Застыл. Теперь это красивый Отзвук.

– Что с мастером?

– Нет его. Застыл – значит застыл. Кто-то говорит, переродился. Кто-то – что сгорел.

Мне дела нет.

Эйр вглядывался в неподвижный Узор. В переплетениях его нитей дышало обещание, пылала незримая связь, проступал ключ. Человек, чьи блестяшки вплетены в этот узор, был

его человеком, с глазами за пеленой воды. И другой дух когда-то соткал для него Узор – и, сотворив, не смог или не захотел отпустить.

– Я хочу его.

Торговец помедлил. Его лоскуты колыхнулись, будто подхваченные призрачным ветром.

– Этот Отзвук. Он ещё жив. Отчасти. – Моль не отрывала взгляда – её чёрные влажные глаза-бусины впивались в Стрекозу в настойчивой попытке найти искру понимания. – Мастер не отпустил – значит, Узор привязан. К нему. К тебе, если возьмёшь. Ты знаешь, что бывает с теми, кто не отпускает?

– Знаю.

– Дай живую блестяшку. Настоящую. Или часть своего опыта. Спираль у тебя. Я вижу. Дай.

Эйр разжал коготь, отделил от спирали крошечный виток – самую малость, но достаточную, чтобы почувствовать, как внутри что-то дёрнулось и затихло.

– Бери.

Обмен свершился в тишине. Узор тяжелым, обжигающе неправильным грузом лёг в коготь. И в этот миг торговец произнёс:

– Он тебя выбрал. Или ты его. Теперь не разберёшь.

Эйр сжал Узор. Слюдяные крылья, содрогнувшись, сложились, уплотнились, оперились – и он снова с жадным вздохом, будто вынырнул из воды после апноэ, принял форму Ворона. Лапа намертво вцепилась в запретный узор, из которого словно сочилось. Странное.

Тишина укрыла пространство вязким коконом. Собственная тень бежала по пепельной земле прерывисто. Дрогнула и двинулась с задержкой в полсекунды. Эйр повернул голову – тень повторила жест, но с опозданием, как эхо, ставшее заметным.

Небо. Его собственные Узоры, сплетённые раньше и отпущенные в свободный полёт, на миг погасли, померкли, словно отвернулись и не узнавали создателя.

Шёпот. Сам Сумрак, его родная стихия, зазвучал глуше, дальше, словно пробивался через толщу воды. Он был ещё здесь, но уже не полностью. Узор в когте начал отгораживать его от мира, стремясь всецело завладеть его вниманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.